

Ширли ван де Польдер

(Shirley van de Polder) — магистр, специалист в области фешен-кураторства (Лондонский колледж моды). Также обучалась в Университете Амстердама, где изучала драматургию, современный костюмный дизайн и значение ассоциативного мышления в истории кураторства в сфере моды.
svdpolder@gmail.com

Диалог между Одержимостью и Платьем

Аннотация

Вдохновляясь трудами Адама Филипса, Али Смит и Джакомо Леопарди, автор исследует проблему присутствия и значимости ассоциации и воображения в процессе коллекционирования одежды. Отступая от традиционных форм академического письма, этот очерк предлагает читателю поразмышлять об одержимости и ее истоках.

Ключевые слова: ассоциативное мышление; воображение; психоанализ; кураторство в сфере моды; одержимость.

Статья впервые
опубликована
в журнале
Fashion Theory:
The Journal
of Dress, Body
& Culture (2018.
Vol. 22.4–5)

ПЛАТЬЕ: Ах, наконец-то свежий воздух! Уже ночь или меня держат в темноте? Есть здесь кто-нибудь? Может ли добрая душа, что выпустила меня из этого чехла, зажечь свет? Я бы хотела увидеть и поблагодарить вас.

ОДЕРЖИМОСТЬ: Мои извинения, мадам. Добро пожаловать в музей, Чайное платье 281, — или у вас есть какое-то другое имя?

ПЛАТЬЕ: По правде сказать, не могу припомнить, чтобы мне вообще когда-нибудь давали имя. Но раз уж я оказалась в новом месте, оно мне, кажется, потребуется. Что ж, пусть будет Чайное платье 281. Теперь, когда вы знаете, как ко мне обратиться, пожалуйста, скажите, мадам, кто же вы?

ОДЕРЖИМОСТЬ: Вы здесь из-за меня. Вас ожидает важнейшая задача.

ПЛАТЬЕ: Не уверена, что смогу взвалить такую ответственность на свои старые плечи, я платье в возрасте. Косточки в моем корсаже тяжелые, массивные металлические застежки затягиваются с трудом. Я жду, когда прилетит моль и поглотит меня, ведь меня больше нельзя носить. Я выполнила свое предназначение.

ОДЕРЖИМОСТЬ: Вовсе нет, мадам! Вас привезли сюда, чтобы спасти от моли. Видите эти коробки и чехлы? В них живет множество нарядов и украшений разных эпох, предназначенных не для ношения, а для демонстрации и вдохновения.

ПЛАТЬЕ: Мадам, ну как я могу кого-то вдохновить? Я ведь простое чайное платье, со мной не было ни багажа, ни документов, только я. Я не знаю, кто меня создал и откуда я родом. Много лет прошло с тех пор, как меня сшили, и это видно. Моя юбка помята; шелк, из которого я скроено, когда-то такой яркий лиловый, уже давно выцвел. Кружева вокруг воротника и манжет потеряли форму, и их цвет далек от белоснежного, каким он был раньше.

ОДЕРЖИМОСТЬ: Мадам 281, пожалуйста, подойдите поближе, чтобы я могла получше вас рассмотреть. Ах, эти вышитые цветы! Они прекрасны, очень нежны и изысканны. Однако эти оттенки зеленого и желтого подсказывают мне, что цветы полны жизни, ждут подходящего момента, чтобы распуститься. Скажите, мадам, как называются эти цветы и что они означают?

ПЛАТЬЕ: Боюсь, я не знаю, мадам.

ОДЕРЖИМОСТЬ: А как насчет вашей расцветки? Лиловый и белый, цвета скромности и чистоты. Вместе с цветочными оттенками они заставляют меня задуматься... Вас, возможно, носила незамужняя молодая леди, мадам 281?

ПЛАТЬЕ: И снова я не могу дать вам ответ. Много времени прошло с тех пор.

ОДЕРЖИМОСТЬ: Могу ли я взглянуть на ваше строение? А, всего пара косточек. Интересно. Должно быть, вас носили в менее формальных случаях.

ПЛАТЬЕ: О да, я ни разу не выходила в свет. Помню отдельные комнаты, цвета, тепло камина, ткани на стульях, запахи духов и еды. Иногда я была одна, иногда нас было несколько.

ОДЕРЖИМОСТЬ: Могу ли я спросить вас о пятнах? Помните ли вы, что произошло и как они появились?

ПЛАТЬЕ: Мадам, вы, кажется, забываете, что я платье в возрасте. Моя память подобна медленно увядающему цветку; она дарит мне лишь мимолетные отрывки воспоминаний и не позволяет заглянуть так далеко в прошлое. Мадам? Почему вы стоите позади меня?

ОДЕРЖИМОСТЬ: Что это за разрез сзади на вашей юбке? Это что... это что, карман? Что за удивительное место для кармана. Если только он не должен был быть потайным... позвольте-ка посмотреть, есть ли там что-нибудь...

ПЛАТЬЕ: Мадам, прошу вас, прекратите! Мне кажется, будет справедливо, если теперь вы ответите на мои вопросы. Могу ли я попросить вас снять эту вуаль темнее ночи, чтобы я увидела ваше лицо, и сказать мне, кто вы?

ОДЕРЖИМОСТЬ: Прошу прощения, мадам 281. Я могу снять вуаль, однако лица моего вы не увидите. Меня зовут Одержимость. Я великая странница, предпочитающая блуждать по темным закоулкам человеческого сознания. Я проникаю в разум и вижу то, что должно оставаться скрытым от дневного света. На основе этих наблюдений я создаю желаемые нарративы, фантазии, и проецирую их на вещь. Как только фантазия сопрягается с вещью, я неустанно слежу за тем, чтобы желание обладать этой вещью росло, заставляя коллекционера верить, что именно обладание вещью — лучшее решение, которое позволит сохранить жизнь фантазии. Обладание, однако, не может принести удовлетворения. Я никогда не останавливаюсь. Всегда найдется новая вещь, новое решение, питающее голодную фантазию. Если я останавлиюсь, мои творения исчезнут, и коллекционер останется ни с чем, с пустотой. Вы можете считать меня пластырем на подсознательной ране, порождающим фантазии, которые заполняют пустоту между подавленным и явленным. Я одновременно и благоговение, и бремя.

ПЛАТЬЕ: Ваши слова столь же таинственны, как и ваш облик, мадам. Пожалуйста, объясните, как можно быть и другом, и врагом, приносить радость и горе одновременно. Если вы никогда не уходите и коллекционирование продолжается бесконечно, почему у кого-то должна быть причина унывать?

ОДЕРЖИМОСТЬ: Моя методология исходит из загадок разума, что порой усложняет мой словарный запас. Меня можно исследовать, но нельзя объяснить. Все, что я могу предложить, — это логическое суждение. Люди, похоже, имеют привычку вести двойную жизнь; одна из них — публичная, где они время от времени сталкиваются с разного

рода трудностями и разочарованиями. Другая жизнь, более приватная и сокровенная, свободна от невзгод. Основываясь на том, чего людям не хватает в публичной жизни, желанные нарративы, формирующие приватную жизнь, помогают избежать боли, пробуждаемой напоминаниями об этой нехватке (Phillips 2012: xvi–xvii). Хотя одержимый коллекционер благодаря приобретаемой им вещи и способен уйти с головой в фантазии, есть обстоятельство, которое обязательно вернет его или ее обратно: желаемые нарративы приватной жизни существуют, лишь пока остаются желаемыми; осуществить их невозможно. Коллекционер справляется с публичной жизнью благодаря созиданию жизни приватной. С другой стороны, ограничения приватной жизни вынуждают коллекционера признавать реальность жизни публичной. Фантазия и реальность выживают только вместе, рука об руку. Коллекция служит вещественным доказательством этой связи.

ПЛАТЬЕ: Кажется, я понимаю. Тем не менее мы в музее. Как же я могу служить дидактическим целям, если мои истории, основанные на ваших интерпретациях, ложны?

ОДЕРЖИМОСТЬ: Не имеет значения, права ли я и корректны ли мои интерпретации. Они функционируют как желаемые нарративы, которые не могут быть неправильными. Ранее я пыталась объяснить, что, когда речь заходит об одержимости коллекционированием одежды, важна не только ваша, мадам 281, реальная история, но и истории, которые вы способны вызвать к жизни. Эти воображаемые истории вдохновляют, приоткрывают и обеспечивают будущее, если не бесконечность. Прелесть хорошо подобранной коллекции заключается в том, что каждое изделие вносит в нее свой уникальный вклад. Возможно, у вас мало документов, и вы не подходите для показа, мадам, но ассоциативные образы и очертания ушедшей эпохи, которые ваш облик может пробудить в сознании куратора, позволят вам подспудно вдохновлять других и жить вечно, вместе с другими экспонатами.

ПЛАТЬЕ: Я всегда считала свою анонимность препятствием, порогом. Ваши добрые слова заставили меня переосмыслить смысл моего существования. Если я могу помочь куратору в освоении этого ассоциативного вида знания, я буду рада это сделать.

ОДЕРЖИМОСТЬ: А когда вы почувствуете себя слишком усталой и хрупкой, вас уложат отдохнуть на кровать, покрытую белыми простынями, подальше от яркого света, и будут лишь время от времени ненадолго будить, чтобы вы озаряли других.

ПЛАТЬЕ: Вы меня утешили, благодарю!

ОДЕРЖИМОСТЬ: Всегда пожалуйста, мадам. А пока прошу меня извинить, уже почти время ужина, а мне нужно навестить куратора

Ил. 1. Кадр
из фильма
Эми де ла Хей
«Лиловый час»
(The Violet Hour),
являющегося
частью проекта
«1914 год сегодня»
(1914 Now),
созданного
по заказу Элисон
Молони

и удовлетворить ее любопытство, рассказав о наблюдениях, которые я сделала во время нашей беседы. Мы скоро встретимся снова. До свидания!

Примечание

«Чайное платье 281» является частью коллекции костюмов в Брайтонском музее и художественной галерее в Брайтоне (Великобритания) (ил. 1). Куратор и историк моды Эми де ла Хей и кинорежиссер Катарина Атанасопулу, вдохновленные этим чайным платьем, создали фильм «Лиловый час» (The Violet Hour) в рамках проекта «1914 год сегодня: четыре подхода к кураторству в сфере моды» (1914 Now: Four Perspectives on Fashion Curation).

Перевод с английского Анны Бизяевой

Литература

Phillips 2012 — Phillips A. Missing Out, In Praise of the Unlived Life. London: Penguin, 2012.

